

К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии*

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье представлены некоторые результаты работ по созданию электронной базы данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур», в частности проведен отбор литературы по теме национального характера отдельных народов Центральной Азии.

Ключевые слова: национальный характер, Центральная Азия, база данных, обзор, описание, казахи, монголы, тувинцы.

Исследования национальных, культурных особенностей народов различных регионов мира сегодня представляют особую важность в свете проблем локальной специфики трансформационных, модернизационных процессов, взаимодействия и взаимовлияния культур. Интерес представляют в этой связи особенности региональных социумов с кочевой культурой, например Центральной Азии. В рамках работы над коллективным проектом «Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур» мы произвели сбор и отбор имеющихся описаний, исследований национального характера народов Центральной Азии.

Прежде всего, поясню нашу трактовку термина «Центральная Азия», поскольку в отечественной и зарубежной литературе она различна. Также на сегодня Центральной Азией и в СМИ, и в общественно-политическом дискурсе, и в научных кругах все чаще стали называться только пять государств ближнего зарубежья: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан. Для западной географической, археологической, этнографической и общеисторической литературы вследствие нестрогого выделения признаков природно-географических особенностей региона это понятие зачастую охватывает как собственно Центральную Азию, так и Среднюю Азию. Ю. С. Худяков напоминает по этому поводу терминологическую работу лингвиста А. Г. Шпринцина еще 1970-х годов, который уточнял, что «в европейской и амери-

канской науке всю внутреннюю часть евразийского континента принято именовать по-английски — Central Asia, по-французски — Asie Centrale, по-немецки — Mittelasien, Zentralasien (Центральная Азия). Наряду с ним российскими и европейскими учеными в прошлом употреблялись в качестве равнозначных и схожих по смыслу понятия: «Срединная Азия», «Средняя Азия», «Внутренняя Азия», или «Inner Asia» (Худяков, 2008: 6).

В дореволюционной отечественной литературе Средняя Азия в пределы Центральной Азии не включалась. В советской отечественной литературе отмечалось, что хотя конкретные пространственно-географические границы Центральной Азии до последнего времени детально не очерчены, однако советскими географами достаточно четко определены присущие этому региону специфические физико-географические условия, позволяющие установить его качественное отличие от сопряженных с ним областей (см.: Грач, 1984). И сегодня российские востоковеды предпочитают придерживаться определения Н. М. Пржевальского, К. Риттера, Ф. Ратцеля, уточненного Ф. Ритгофом: «Центральной Азией следует называть область в центре евразийского материка, пространство от Тибета на юге до Алтая на севере, от Памира на западе до Хингана на востоке» (см.: Абаев, 2006: 53). Например, в «Большой географической энциклопедии» также указывается: «Природная область Центра Азии, в которую входят Китай и Монголия, граничит на севере с РФ и Казахстаном, на западе с Киргизией и Таджики-

* Публикация подготовлена при поддержке РФНФ (грант № 13-03-12003в).

станом. На востоке проходит по южной части Большого Хингана, горам Тайханшань и Сино-Тибетским, на юге по продольной тектонической впадине верхнего Инда-Цангпо (Брахмапутры)» (Большая географическая..., 2007: 560).

Как отмечают авторы, уже первые российские исследователи Центральной Азии отчетливо осознавали, что изучаемая территория является особым географическим подразделением, в котором главным видом хозяйствования было кочевое скотоводство (см.: Бураев, 2011: 143–144). Нынешнее же обозначение территорий Средней Азии как центральноазиатских является, по мнению Н. В. Абаева, неверным «присвоением» термина странами этого региона, для того чтобы подчеркнуть свою важную геополитическую роль (Абаев, 2006: 53–55). Н. Н. Алексеева и И. С. Иванова усматривают в этом также нежелание новых государств считать себя частью российского цивилизационного региона (Алексеева, Иванова, 2003).

Несмотря на эти доводы, часть российских исследователей также готовы предложить новые варианты районирования. Например, А. И. Бураев полагает, что, сохраняя за терминами «Средняя Азия» и «Центральная Азия» их прежние трактовки, можно пойти на компромисс, объединяя территории под термином «Внутренняя Азия» (Бураев, 2011: 145). Термин «Внутренняя Азия» также поддерживает Ю. С. Худяков (Худяков, 2008). Н. Н. Алексеева и И. С. Иванова предпочитают придерживаться принципа неделимости государственных границ, полагая, что термин «Центральная Азия» для среднеазиатских стран СНГ более корректен, чтобы не отрицать самоидентификацию новых государств. А упоминающиеся в старой трактовке Центральной Азии территории целесообразнее, считают они, отнести к другим регионам, например, Монголию — к Восточной Азии (Алексеева, Иванова, 2003). В стремлении придерживаться вопросов государственной «целостности» авторы тем самым, на мой взгляд, упустили из виду проблему социокультурного хозяйственного комплекса, которая много веков формировалась на территории Централь-

ноазиатского региона, отличала его и которая до сих пор представлена в ряде регионов не только как государств, но и как административных образований в составе государств. Например, ни у кого не вызывает сомнений социокультурная родственность республик Тува и Бурятия с Монголией. Данные российские территории традиционно рассматривались именно как центральноазиатские.

Осознавая тот факт, что, скорее всего, термин «Центральная Азия» в широком общественном мнении, особенно в ближнем и дальнем зарубежье, так и закрепится за упоминавшимися пятью государствами, тем не менее мы предпочтем оставаться в традиции отечественного востоковедения и Центральной Азией будем называть территории распространения кочевого типа хозяйствования в Казахстане, Монголии, Китае (Синьцзянь-Уйгурский автономный округ, Внутренняя Монголия), России (республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, отчасти Иркутской и Читинской областях). Историки, а также представители такого междисциплинарного направления, как геоэкология (нацеленного на изучение пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества (см.: Черных, 2009: 13), выделяют этот регион как территорию, породившую множество скотоводческих (кочевых и полукочевых) культур, имеющих ряд сходных черт в социальном устройстве, хозяйственных комплексах.

В основном специалисты сходятся на убеждении о социокультурной целостности кочевничества региона. Соответственно они используют обобщенные термины «степная Евразия», «кочевники азиатского материка» и даже «кочевая цивилизация Центральной Азии». Мы используем термин «социокультурный комплекс», не прибегая к определению цивилизации, поскольку считаем, что оно еще не обосновано (см.: Ламажаа, 2013: 103–105).

Так, подчеркнем, что мы говорим не о политическом, административно-территориальном образовании, а о социокультурном, культурно-географическом районе. В этом случае нас интересуют научные исследования национального характера (национального ментали-

тета) прежде всего таких этнических образований, как казахи, монголы, уйгуры, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты, а также калмыки (как выходцы из Центральной Азии).

Попытки понять, чем же отличаются друг от друга народы и их культуры, что особенно есть в конкретном народе (поведении, темпераменте и пр.), являются естественной потребностью человечества осознать факт культурного разнообразия на планете. Наиболее удачные описания национального характера — чаще опирающиеся на интуицию, на самоосмысление, на некоторый чувственный, художественный опыт — находят свое место не только в ряду художественной, но и научной литературы (вспомним известные антиномии русского национального характера Н. А. Бердяева, которые были сформулированы ими в эмиграции с желанием осмыслить, чем русские отличаются от европейцев).

Соответственно описания национального характера практически всегда делались в ситуации встречи культур и наиболее удачные зарисовки получались у людей с тонким художественным вкусом, образованными, наблюдательными. Это были в первую очередь путешественники — миссионеры, ученые, а также дипломаты и др. Таких авторов было немало и в истории кочевников Центральной Азии, хотя их имена знают лишь специалисты. Понятие «встреча культур» нами используется в самом широком смысле. За этим стоят и формы мирного сосуществования (торговля, сотрудничество, относительно мирная колонизация), и военные действия и их последствия, в том числе существование под игом, насильственные переселения и пр. «Встреча» может быть не только социальной, групповой, но и индивидуальной — для отдельных представителей культур, которые оказались в иной культурной среде и стали осознать проблему разницы менталитетов, традиций.

Рассматриваемые нами этносы образовались на основе сложных этнических процессов древних племен (хунну, древние тюрки, кыргызы, уйгуры, монголы и пр.) в разное время: казахи — в XV в.; монголы — в XII в., уйгуры — в VIII в., алтайцы — в XVIII–XIX вв., хакасы — в XVIII–XIX вв., тувинцы —

в XVIII–XIX вв., буряты — в XIX в., калмыки — в XVIII в.¹ В древности и долгое время до XIX в. кочевников считали варварами, угрожающими цивилизованным народам. Непосредственно описаний кочевниками себя почти не сохранилось, за исключением источников в виде каменных стел древних тюрков с так называемым орхоно-енисейским (древнетюркским) руническим письмом преимущественно эпитафийного характера (Малов, 1951). Из этих памятников ученым стало известно о специфике представлений о пространстве древних тюрков, о государственном устройстве тюркских каганов (VI–VIII вв.), о ряде особенностей погребального обряда. Некоторые представления о способах самопознания кочевников можно найти в документах, излагающих философские, социально-политические воззрения средневековых мыслителей Казахстана.

Начало изучения кочевых народов Центральной Азии, описания их быта и нравов в целом находят в китайских исторических источниках. Основателем науки о кочевых народах Центральной Азии считают автора «Исторических записок» («Ши-цзи») Сыма Цзяня (II в. до н. э.). Известен «Сборник летописей» персидского ученого Радиша ад-Дина (XIII–XIV вв.) о политической истории Центральной Азии, связанной с Чингисханом.

Достаточно долго, как я уже упоминала, кочевников Центральной Азии соседи воспринимали как варваров, как примитивные народы, даже как тупиковую ветвь человеческого развития. Однако развитие востоковедения, в частности российского, с середины XX в. позволило перейти к признанию за кочевниками особых, ценных черт. Большой вклад в изучение социальной организации кочевников внесли русские ученые в конце XIX — начале XX в. Значительна работа в этой связи В. В. Бартольда, О. Латтимора, Н. Н. Харузина, Б. Я. Владимирцова, Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова, С. И. Вайнштейна, К. П. Калиновской, В. А. Шнирельмана, С. Г. Кляшторного, Е. И. Кычанова, А. И. Мартынова, А. И. Першица, Л. П. Потапова, С. Е. Толыбекова, Г. А. Федорова-Давыдова, С. А. Плетневой, Н. Э. Масанова, Н. Н. Крадина и др.

Однако мы упомянули ученых, которые исследовали и продолжают исследовать особенности этногенеза кочевников, их историю, культуру. Описания же национального характера народов уступали в их работах систематическому изучению вопросов этнической культуры, традиционных верований, обрядности и пр.

Известный отечественный ученый И. С. Кон, как и многие авторы, считает понятие «национальный характер» не аналитическим, а описательным, появившимся первоначально в литературе с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа. Он очерчивает круг проблем, возникающих при употреблении этого термина исследователями (Кон, 2006). В частности, он отмечает субъективность, расплывчатость оценок и описаний, которые, если их разбить на составные, можно применить не только к рассматриваемому этносу, но и к другим (пример: на то, чтобы быть смелыми, добрыми, гостеприимными, могут претендовать все народы). Другая проблема состоит в том, что описание национального характера подразумевает свойства не одного индивида, а человеческой группы, часто очень многочисленной. Одна, скажем — этническая, культура группы не обязательно приводит к общности психического склада его представителей. «Атомистический» (индивидуально-психологический) подход к социальным явлениям, в частности к национальному характеру, несостоятелен, считает автор.

Трудности заключаются также в том, что оценивать характерологические черты следует в их символическом значении в рамках определенного социального целого. Не надо «выдергивать» культурные правила, ритуалы из всего контекста. Это приводит к непониманию их смысла (к примеру, поделиться остатками своей еды — обглоданной костью у туземцев Новой Гвинеи — значит не европейское пренебрежение, унижение, а проявление гостеприимства). Надо учитывать относительность любых этнических характеристик (абсолютная форма высказываний о чертах национального характера без указания на сравнение с чертами других народов порождает путаницу).

В национальной психологии, кроме того, обязательно понимание историчности (развития национальных черт, а также развития представлений о них сторонних наблюдателей). В этой связи психолог вспоминает очень удачный, на наш взгляд, образ, ссылаясь на исследование французского национального характера Р. Виртанена: «Национальный характер каждой современной нации напоминает палимпсест, пергамент, на котором поверх старого, более древнего текста написан новый: стоит смыть верхний слой, и под ним появляется не видная вначале, иногда сильно поврежденная, но все-таки сохранившаяся древняя надпись» (там же: 253).

В современной психологии, указывает И. С. Кон, проблемы разрешать очень сложно. Устойчивые личностные черты-диспозиции не всегда четко отличимы от временных, текучих состояний. Даже достоверное знание личностных черт не позволяет предсказать социальное поведение личности без учета специфики ситуаций. Усложнилась и проблема постоянства, устойчивости личности и др. Поэтому этнопсихологические исследования, по его мнению, должны быть разведены на два «лагеря»: либо это психологические работы, либо социокультурологические. Первые изучают свойства индивидов — членов общества, вторые — свойства общества и культуры.

Подобное деление, которое произвел И. С. Кон, в рамках исследований национального характера также называют «лично-центрированные» и «культур-центрированные». Последние должны рассматривать социокультурные феномены в их психологической перспективе и формулировать ряд концепций и гипотез, которые разрабатывались бы дальше уже на уровне психологического, лично-центрированного подхода. В свою очередь, лично-центрированный подход должен давать теоретическую базу психологического объяснения различий и особенностей в человеческом поведении, институтах, ценностях и нормах, характерных для разных культур (Лурье, 2005).

Тема особых черт характеров этносов Центральной Азии, уникальности их облика,

в XX в. практически всех вошедших в советское пространство, долго не развивалась в литературе, поскольку идеологические установки требовали отказаться от традиционности, в том числе в менталитете, как пережитке прошлого, в пользу понимания нового прогрессивного социального устройства и соответствия человека ему. Вопросы специфики изучались в русле развития этнографии, которая была призвана зафиксировать элементы традиционности и сконцентрироваться на процессе трансформации традиционалистов в советских граждан. Тем не менее, разумеется, можно найти и интересные публикации и тех лет, уже не говоря о художественной литературе народов России всех жанров, в которой, несомненно, отражалась специфика национальных менталитетов.

Тематика национального характера народов стала актуальной уже в постсоветское время, и описания, попытки осмысления национальных черт, сложившихся в уникальное целое, стали производиться представителями самих народов. Хотя, безусловно, для нас особый интерес представляют работы ученых, тем не менее публицистические, даже литературные материалы — тоже в поле нашего внимания. И. С. Кон пишет: «...хотя такие исследования выглядят недостаточно строгими, «импрессионистическими», они дают ценнейшую информацию этнопсихологического свойства» (Кон, 2004: 255). По его мнению, у специалистов часто в рассуждениях о национальных особенностях психики нарушается логика исследования. Вместо того чтобы начинать с постановки четких содержательных вопросов и формулирования гипотез — существуют ли психологические различия между народами, в чем именно и пр., ученые продолжают спорить об определениях. «Многолетний опыт нашей науки показывает, — пишет психолог, — что дискуссии, начинавшиеся с содержательных вопросов, всегда были более плодотворными, нежели те, которые вращались вокруг определений» (там же).

Среди сонма же научной литературы в русле нашего проекта укладываются исследования национальной идентичности, этнической идентификации, этнопсихологических осо-

бенностей народов, этнолингвистики, психологических типов в культуре, традиционных картин мира и пр.

Так, мы попытались выделить наиболее интересные публикации о национальном характере народов Центральной Азии. Ограниченный объем статьи не дает нам возможности подробно рассмотреть каждый из них, остановимся лишь на отдельных работах и заключениях по казахам, монголам и тувинцам.

Казахи. Казахская литература ведет свой отсчет с XV в. и имеет богатые традиции. Устные поэтические традиции восходят к памятникам орхоно-енисейской письменности и раскрывают мир кочевников. Из литературных, философских произведений, которые в той или иной мере отражают особенности национального менталитета казахов, в первую очередь надо назвать «Слова назидания» или «Книгу слов» — фундаментальное произведение казахского акына и просветителя Абая Кунанбаева (1845–1905), или, как его называют, Абая. Его взгляд на черты характера казахов — это представление национального менталитета «изнутри». При этом, что особенно ценно для нас, автор не только описывает, суммирует особенные черты характера своего народа. В надежде улучшить жизнь своего народа, он поднимает и нелицеприятные темы, называя, например, враждебность казахов между собой, амбициозность, неуважение их к соседним народам и пр. — т. е. все то, что он называет пороками, искренне желая их искоренения. Тем самым национальный характер народа предстает наиболее полным, многогранным, реалистичным.

Описания национального менталитета казахов «извне» — глазами путешественников, этнографов начиная с XIX в. чаще всего идут в унисон с содержанием множества пословиц, поговорок, например, о гостеприимстве, о родоплеменных отношениях, об отношении казахов к старшим, к женщинам и детям. Например, А. А. Диваев писал: «С прибытием в Туркестанский край в 1876 году мне пришлось сталкиваться с кочевым населением, т. е. казах-киргизами, этими в высшей степени симпатичными, гостеприимными и доверчивыми племенами...» (цит. по: Еркибаева: Электр. ре-

сурс). Отчасти подобную ситуацию можно объяснить тем, что путешественники больше концентрировались на теме отношения местного населения к себе, чем на углубленном изучении особенностей взаимоотношений коренных жителей между собой.

Среди современных казахских авторов по интересующей нас теме назовем М. Е. Орынбекова (который пишет о мировоззренческих ориентирах предков казахов, см.: Орынбеков, 1994); С. Акатая (о менталитете казахов и культурной модальной личности в казахской культуре, см.: Акатай, 1998); З. Наурызбаеву (о чертах национального характера древних кочевников, которые современные казахи унаследовали, а какие — нет, см.: Наурызбаева: Электр. ресурс), Д. Кшибекова (о менталитете казахов, см.: Кшибеков, 2005), Г. А. Омарбекову (лингвокультурное сравнительное исследование фразеологизмов англичан и казахов, см.: Омарбекова, 2013), Т. Х. Габитова (о «ментальных особенностях» казахстанского народа, идентификация которых необходима для разработки национальной идеи, см.: Габитов, 2013) и др. Современные описания казахского менталитета, казахской национальной идеи, полны, прежде всего, перечисления положительных черт. Это в целом объяснимо, поскольку часто подобные публикации выполняют определенный социальный заказ: ставят своей целью укрепить «национальный дух», вывести «национальную идею» и пр.

Монголы. Если говорить об описании национального менталитета «изнутри», то необходимо в первую очередь вспомнить о «трех глыбах» монгольской литературы, в которой содержатся основные идеи монгольской культуры, монгольского национального духа. Таковыми считаются: древнейший литературный памятник «Сокровенное сказание монголов» (1240), эпосы «Гэсэр» и «Джангар». Они представляют соответственно летопись истории монголов времен Чингисхана, а также эпические произведения о мифологических героях.

Национальный менталитет монголов «извне» нашел свое отражение в многочисленных книгах и статьях дореволюционных и после-

революционных российских и советских авторов, путешественников, ученых, дипломатов, журналистов, специалистов и т. д. Так, И. М. Майский в своей известной книге «Современная Монголия» (Майский, 1921) и многие другие описывали свои наблюдения и заключения на этот счет. Много можно почерпнуть из работ российских и монгольских этнографов, этнологов, культурологов. Из современных российских монголоведов монгольской духовной культуре посвятили свои работы Н. А. Жуковская, А. А. Викторова, А. Г. Скородумова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, В. А. Нейдинг. Специалистами-монголоведами высоко оцениваются книги журналиста А. И. Шинкарева (Шинкарев, 1981; 2006). В последние годы интересные исследования ценностных ориентаций современных монголов проводят Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев (Попков, Тюгашев, 2012: Электр. ресурс), А. В. Иванов (Иванов, 2009: Электр. ресурс) и др.

Одними из часто упоминаемых черт национального характера и исследователи, и журналисты, и просто наблюдатели называют близость к природе (любовь к просторам, созерцательность, так называемую естественность), самодостаточность, неторопливость, наблюдательность, любознательность. Это признают за собой и сами монголы. Например, политический деятель Ц. Балхаажаву описывает такой характерный стиль поведения монгола: «...поднявшись на вершину горы, монгол увидит новое, переправившись через широкий простор, почувствует еще новое, погостив у соседа, узнает о новом. Все это происходит постепенно, опыт обогащается и укладывается в жизни. Именно в этом заключается честный, дальновидный, прямой характер монголов» (цит. по: Буяндэлгээр, 2012: 14). Психолог Буяндэлгэр Одгэрэл считает, что «педантичность у будущих педагогов Монголии обусловлена природой, национальными и религиозными традициями, культурой и методами воспитания» (там же: 13–14). Речь идет о характерных традиционных особенностях, которые порой сегодня сложно найти у современных, тем более молодых монголов (например, наблюдатели се-

годня часто отмечают у монголов любовь к личаеству при езде на автомашинах, эмотивность (возбудимость).

Но те же монголы, признавая глубокие корни своей культуры и традиционность мышления соплеменников, тем не менее не ограничиваются идеальными образами, идеальными чертами. Например, известный монгольский политический деятель, публицист Баабар (литературный псевдоним Б.-Э. Батбаяра) достаточно строг в оценке своих соотечественников, полагая, что кочевой уклад сформировал такие черты, как леность, непунктуальность, лживость. Договориться между собой монголам зачастую труднее, чем с представителями других народов (см.: Монгольский менталитет в бизнесе, электр. ресурс).

Тувинцы. Упоминания об особенностях тувинского менталитета, которые формулировали бы сами тувинцы (национальный характер «изнутри»), можно встретить только с начала XX в., когда стало возможным самим местным жителям поднимать темы национального духа (Тува находилась под жестоким гнетом в составе Маньчжурской империи Китая, которая пала в 1911 г.) и когда появилась возможность фиксировать такие высказывания (и с помощью приезжающих в край наблюдателей, и позднее, когда в Туве распространилась своя письменность). В частности, речь идет о размышлениях о судьбах Тувы и тувинцев, которые высказывали лидеры национального движения за государственное становление в начале XX в. (Буян-Бадырғы Монгуш, Лопсан Чамзы, Куулар Дондук и др.).

Отдельные попытки наблюдателей описать тувинский национальный характер встречаются в путевых заметках, этнографических зарисовках рубежа XIX–XX вв. А. В. Адрианова, А. М. Африканова, П. Е. Островских, М. И. Райкова, Е. К. Яковлева, Г. П. Сафьянова, Д. Каррутерса и др.

С тематикой национального характера перекликаются современные исследования духовной культуры тувинцев А. К. Кужугет (Кужугет, 2006); пространственно-временных представлений тувинцев В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009: Электр. ресурс); этнической идентичности — З. В. Анайбан (Анайбан, Тюхте-

нева, 2008: 117–135), М. В. Монгуш (Монгуш, 2010), В. С. Донгак (Донгак, 2003), С. С. Товуу (Товуу, 2010), Б. А. Мышлявцева (Мышлявцев, 2002; 2005). В последние годы о тувинском национальном характере появились публикации автора данной статьи (см.: Даргын-оол, 2004; Ламажаа, 2008: 131–162), психологические типы тувинцев стали исследовать Е. Н. Резников, Н. О. Товуу (Резников, Товуу, 2002).

В моих описаниях тувинский национальный характер (описание «изнутри» определялся как «резко-континентальный» (с учетом сильного влияния фактора природы и резко-континентального климата региона). В сочетании черт характера можно назвать: созерцательность, художественность, непунктуальность, флегматизм, любовь к детям, групповое соперничество, завистливость и пр.

Во многом наблюдаемые и описываемые черты национального характера казахов, монголов, тувинцев, а также других кочевых народов Центральной Азии можно считать общими, что естественно. В задачах нашего проекта («Электронная база данных “Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур”») также стоит обобщение отобранных, наиболее интересных описаний, поиск общего и определенных отличий, которые также можно отметить.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Разумеется, этнологические работы указывают диапазоны веков, авторы разнятся в оценках; я здесь привожу усредненную цифру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, Н. В. (2006) Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. Кызыл : Изд-во ТывГУ.
- Акатай, С. (1998) Национальный менталитет казахов. Алматы.
- Алексеева, Н. Н., Иванова, И. С. (2003) Средняя или Центральная Азия? // География. № 30. С. 13–17.
- Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М. : Институт востоковедения РАН.
- Большая географическая энциклопедия (2007)/ авт. кол. : В. С. Алексеев и др. М. : ЭКСМО.

- Бураев, А. И. (2011) К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях // Вестник Бурятского госуниверситета. № 8. С. 142–146.
- Буяндэлгэр Одгэрэл (2012) Эффективность учебной деятельности монгольских студентов с различными акцентуациями характера : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.
- Габитов, Т. Х. (2013) Национальная идея в контексте диалога культур // Вопросы философии. № 3. С. 49–57.
- Грач, А. Д. (1984) Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л. : Наука. С. 113–125.
- Даргын-оол, Ч. (2004) Резкая континентальность тувинцев. Зарисовки об особом внутрисаянском мире [Электр. ресурс] // Центр Азии. № 32. 13 августа. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/32/1166-rezkaja-kontinentalnost-tuvincev.html> (дата обращения: 12.05.2013).
- Донгак, В. С. (2003) Этническая идентичность тувинцев : автореф. ... канд. социол. наук. СПб.
- Иванов, А. В. (2009) Монгольский лик Евразии [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/482-mon-face-of-evrazia.html (дата обращения: 12.05.2013).
- Кон, И. К. (2006) Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону : Феникс.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформации. Кемерово : КемГУКИ.
- Кшибеков, Д. (2005) Ментальная природа казаха. Алматы : Гылым.
- Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М. : Изд-во ООО НИПКЦ «Восход-А».
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Издательский дом «Либроком».
- Лурье, С. В. (2005) Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М. : Академический проект ; Деловая книга.
- Майский, И. М. (1921) Современная Монголия: Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о-в «Центросоюз». Иркутск : Госиздат «Знание — Сила», Иркутское отделение.
- Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Наука.
- Монгольский менталитет в бизнесе [Электр. ресурс] // Монголия сейчас. URL: <http://mongolnow.com/Bussines.html> (дата обращения: 12.05.2013).
- Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии.
- Мышляевцев, Б. А. (2002) Современная Тува: нормативная культура (конец XX — начало XXI вв.) : автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Мышляевцев, Б. А. (2005) Русские и тувинцы: образ «другого». Проблема взаимодействия культур // Проблемы истории, филологии, культуры. № 15. С. 438–449.
- Наурызбаева, З. Культура кочевников и современный менталитет казахов [Электр. ресурс] // Отукен. Казахская культура, мифология и музыка. URL: <http://www.otuken.kz/index.php/skpubl/53?task=view> (дата обращения: 12.05.2013).
- Орынбеков, М. Е. (1994) Предфилософия протоказахов. Алматы : Олке.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Монголия в мировом сообществе цивилизаций и народов [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_16/5642-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.05.2013).
- Резников, Е. Н., Товуу, Н. О. (2002) Этнопсихологические характеристики народа тыва : теория и практика. М. : Пер Сэ.
- Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (дата обращения: 12.05.2013).
- Товуу, С. С. (2010) Этническая картина мира тувинцев в историческом контексте их социальной реальности : автореф. ... дис. канд. филос. наук. Улан-Удэ.
- Худяков, Ю. С. (2008) Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 2/3. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 6–11.
- Черных, Е. Н. (2009) Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. : Рукописные памятники Древней Руси.
- Шинкарев, Л. И. (1981) Монголы : Традиции. Реальности. Надежды. М. : Советская Россия.
- Шинкарев, Л. И. (2006) Цеденбал и его время : в 2 т. М. : Собрание.
- Omarbekova, G. A. (2013) Cultural Background Knowledge about National Character of the

Kazakh and English People // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6. Ч. 2. С. 142–147.

Дата поступления: 15.05.2013 г.

ON THE NATIONAL CHARACTER
OF THE CENTRAL ASIAN NATIONS
Ch. K. Lamazhaa

(Moscow University for the Humanities)

The article presents some results of the work on the development of electronic database «National Mentalities: A Study in the Context of Globalization and Interaction of Cultures». In particular, a selection of bibliography on the subject of the national character of several nations of Central Asia was made.

Keywords: the national character, Central Asia, database, survey, description, the Kazakhs, the Mongols, the Tuvinians.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Abaev, N. V. (2006) Tsivilizatsionnaia geopolitika narodov Altai-Baikal'skogo regiona i Tsentral'noi Azii. Kyzyl: Izd-vo TyvGU.

Akatai, S. (1998) Natsional'nyi mentalitet kazakhov. Almaty.

Alekseeva, N. N., Ivanova, I. S. (2003) Sredniaia ili Tsentral'naia Aziia? // Geografiia. № 30. S. 13–17.

Anaiban, Z. V., Tiukhteneva, S. P. (2008) Etnokul'turnaia adaptatsiia naseleniia Iuzhnoi Sibiri (sovremennyi period). M.: Institut vostokovedeniia RAN.

Bol'shaia geograficheskaia entsiklopediia (2007) / avt. kol.: V. S. Alekseev i dr. M.: EKSMO.

Buraev, A. I. (2011) K voprosu o primeneniі termina «Tsentral'naia Aziia» v istoricheskikh issledovaniakh // Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta. № 8. S. 142–146.

Buiandelger Odgerel (2012) Effektivnost' uchebnoi deiatel'nosti mongol'skikh studentov s razlichnymi aktsentuatsiiami kharaktera: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk. M.

Gabitov, T. Kh. (2013) Natsional'naia ideia v kontekste dialoga kul'tur // Voprosy filosofii. № 3. S. 49–57.

Grach, A. D. (1984) Tsentral'naia Aziia — obshchee i osobennoe v sochetanii sotsial'nykh i geograficheskikh faktorov // Rol' geograficheskogo faktora v istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (po etnograficheskim dannym). L.: Nauka. S. 113–125.

Dargyn-ool, Ch. (2004) Rezkaja kontinental'nost' tuvintsev. Zarisovki ob osobom vnutrisaianskom mire [Elektr. resurs] // Tsentral'naia Aziia. № 32. 13 avgusta. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/>

32/1166-rezkaja-kontinentalnost-tvincev.html (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Dongak, V. S. (2003) Etnicheskaia identichnost' tuvintsev: avtoref. ... kand. sotsiol. nauk. SPb.

Ivanov, A. V. (2009) Mongol'skii lik Evrazii [Elektr. resurs] // Noveye issledovaniia Tuvy. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/482-mon-face-of-evrazia.html (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Kon, I. K. (2006) Mezhdistsiplinarnye issledovaniia. Sotsiologiia. Psikhologiia. Seksologiia. Antropologiia. Rostov-na-Donu: Feniks.

Kuzhuget, A. K. (2006) Dukhovnaia kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsii. Kemerovo: Kem GUKI.

Kshibekov, D. (2005) Mental'naia priroda kazakhov. Almaty: Iylym.

Lamazhaa, Ch. K. (2008) Tuva mezhdurazhnykh i budushchim. M.: Izd-vo OOO NIPKTS «Voskhod-A».

Lamazhaa, Ch. K. (2013) Arkhazatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen. M.: Izdatel'skii dom «Librokom».

Lur'e, S. V. (2005) Psikhologicheskaia antropologiia: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy. M.: Akademicheskii proekt; Delovaia kniga.

Maikii, I. M. (1921) Sovremennaia Mongoliia: Otchet mongol'skoi ekspeditsii, snariazhennoi Irkutskoi kontoroi Vseros. tsentr. soiuza potreb. o-v «Tsentsosiuiz». Irkutsk: Gosizdat «Znanie — Sila», Irkutskoe otdelenie.

Malov, S. E. (1951) Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. M.; L.: Nauka.

Mongol'skii mentalitet v biznese [Elektr. resurs] // Mongoliia seichas. URL: <http://mongolnow.com/Bussines.html> (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Mongush, M. V. (2010) Odin narod: tri sud'by. Tuvinty Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste. Osaka: Natsional'nyi muzei etnologii.

Myshliavtsev, B. A. (2002) Sovremennaia Tuva: normativnaia kul'tura (konets XX — nachalo XXI vv.): avtoref. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk.

Myshliavtsev, B. A. (2005) Russkie i tuvinty: obraz «drugogo». Problema vzaimodeistviia kul'tur // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 15. S. 438–449.

Naurzbaeva, Z. Kul'tura kochevnikov i sovremennyi mentalitet kazakhov [Elektr. resurs] // Otuken. Kazakhskaia kul'tura, mifologiia i muzyka. URL: <http://www.otuken.kz/index.php/skpubl/53?task=view> (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Orynbekov, M. E. (1994) Predfilosofiia protokazakhov. Almaty: Plke.

Popkov, Iu. V., Tiugashev, E. A. (2012) Mongoliia v mirovom soobshchestve tsivilizatsii i na-

rodov [Elektr. resurs] // *Novye issledovaniia Tuvy*. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_16/5642-popkov-tyugashev.html (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Reznikov, E. N., Tovuu, N. O. (2002) *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva : teoriia i praktika*. M. : Per Se.

Suzukei, V. Iu. (2009) *Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture tuvintsev* [Elektr. resurs] // *Novye issledovaniia Tuvy*. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/128-space-and-time.html (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Tovuu, S. S. (2010) *Etnicheskaia kartina mira tuvintsev v istoricheskom kontekste ikh sotsial'noi real'nosti* : avtoref. ... dis. kand. filos. nauk. Ulan-Ude.

Khudiakov, Iu. S. (2008) *Poniatie «Vnutrenniaia Azia» v istoriko-kul'turnom i rekreatsionnom aspektakh* // *Gumanitarnye issledovaniia Vnutrennei Azii*. № 2/3. Ulan-Ude : Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta. S. 6–11.

Chernykh, E. N. (2009) *Stepnoi poias Evrazii: fenomen kochevykh kul'tur*. M. : Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Shinkarev, L. I. (1981) *Mongoly : Traditsii. Real'nosti. Nadezhdy*. M. : Sovetskaia Rossiia.

Shinkarev, L. I. (2006) *Tsedenbal i ego vremia : v 2 t.* M. : Sobranie.

Omarbekova, G. A. (2013) *Cultural Background Knowledge about National Character of the Kazakh and English People* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 6. Ch. 2. S. 142–147.